

получают все социально-трудовые гарантии, предусмотренные законодательством о труде, с учетом особенностей осуществляемой деятельности. В соответствии с нормами белорусского законодательства, защита интересов работника может быть осуществлена только на территории Республики Беларусь. Как поступить, если работник, выполняющий дистанционную работу, заболел или получил травму на территории другого государства, как его защитить?

Осуществление работы дистанционно позволяет экономить ресурсы и время как нанимателя, так и работника, что несомненно влияет на эффективность трудового процесса. Всемирная практика широкого использования дистанционной работы показывает все ее преимущества, поэтому потребность регулирования данного вида категории работника является необходимой.

Литература

1. Лютов, Н. Л. Дистанционный труд: опыт европейского союза и проблемы правового регулирования в России / Н. Л. Лютов // Вестник МГЮА. – 2018. – № 10 (143). – С. 30–37.
2. Лушникова, М. В. Юридическая конструкция трудового договора: традиции и новации / М. В. Лушникова // Российский ежегодник трудового права. – 2005. – № 1. – С. 99–131.
3. Киселев, И. Я. Трудовое право России и зарубежных стран : учебник / И. Я. Киселев, А. М. Лушников ; под ред. М. В. Лушниковой. – 3-е изд. – М. : Эксмо, 2008. – 608 с.
4. Конвенция Международной организации труда 1996 г. «О надомном труде» (№ 177) и Рекомендация Международной организации труда 1996 г. «О надомном труде» (№ 184) [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c177_ru.htm. – Дата доступа : 25.05.2020.
5. Закалюжная, Н. В. Нетипичные трудовые отношения в условиях глобализации и модернизации экономики / Н. В. Закалюжная // Вестник Брянского госуниверситета. – 2015. – № 2. – С. 213–215.
6. Лютов, Н. Л. Признаки трудового правоотношения: международные нормы и российская судебная практика / Н. Л. Лютов // Трудовое право в России и за рубежом. – 2016. – № 4. – С. 7–11.

Сорокин А. А.

*кандидат политических наук,
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка,
Республика Беларусь, г. Минск*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Политическое мифотворчество, также как и манипулятивная деятельность, всегда выступали в качестве неотъемлемой части политического процесса и понимания народными массами социально-экономических и организационных преобразований. Особенностью сегодняшнего информационного общества является то, что политическое мифотворчество в виртуальном пространстве, осуществляемое при помощи медиавирусом, действует на ситуационную политическую идентичность значительно сильнее, чем настоящее событие, произошедшее в реальности. Подобное явление, связанное с эволюцией современного политического мифа, А. Г. Дугин обозначил термином медиакратия: «Когда медиакратия становится реальностью, она начинает глобальную симуляцию всех социальных, политических и экономических процессов. Фактически СМИ, и особенно современные электронные СМИ, претендуют на то, чтобы выступать моральным арбитром в вопросе о том, что является по-

ложительным, а что отрицательным, но и в более глубоком измерении – СМИ сегодня определяют, что есть, а чего нет» [1, с. 350].

Использование мифотворчества в качестве технологии формирования, укрепления либо разрушения политической идентичности возможно потому, что обыденное восприятие символической реальности, в которую входят и идеологические нарративы, фрагментировано, эклектично и осуществляется по законам мозаичного типа сознания. По мнению С. С. Васильева: «результатом корреляции политического мифа и массового сознания становится мифо-сознание, которое отражает действительность, используя миф в качестве способа освоения и понимания политической реальности» [2, с. 38].

В процессе символической деятельности субъект политики, стремясь к стройности и упорядоченности дискурса, сам порождает миф не только как принцип существования символического универсума вокруг него, но и как принцип собственного существования. В. А. Емелин, определяя сущность политической идентичности, в этой связи подчёркивал, что она, прежде всего выступает как «феноменологически переживаемая субъектом тождественность самому себе», «чувство принадлежности\непринадлежности к общностям и «осмысленности\неосмысленности личного существования в качестве субъекта\объекта деятельности» [3, с. 17–18]».

Посредством механизма самоидентификации, в котором миф выступает самым архаичным и потому самым стабильным основанием будущего политического фрейма, происходит «самоопределение коллективного «Я» превращение разрозненных индивидов в политическое сообщество, сплоченное общим проектом, целями и ценностями» [4, с. 13–14]. Таким образом, одной из функций политической мифологии является моделирование современной политической идентичности, в процессе которого в рамках политического сознания размывается граница, отделяющая символическую и объективную реальности. Опираясь на это свойство политического сознания, И. Н. Тимофеев даёт определение групповой идентичности как «разделяемое гражданами представление о государстве, как самоопределение коллективного политического Я, когда социум, определяя свою идентичность «воображает» себя в качестве уникальной духовной целостности» [4, с. 28, 32–33].

Политическая идентичность, выступая результатом символической деятельности как индивидуального, так и массового политического сознания, выражается в политическом процессе как набор когнитивных моделей восприятия, понимания и репродуцирования символических форм, одновременно являющихся результатом осознания народом своей исторической памяти и осмысления современной социальной действительности.

При этом очень часто на политическое сознание, поведение и идентичность современного человека часто влияют даже не иные «одушевлённые» участники политической коммуникации, а искусственные контрагенты – нейро- и бот-сети.

Подобные имитационные идентичности С. В. Володенков предложил называть киберсимулякрами – «искусственно сконструированными псевдоличностями, симулирующими существование реального интернет-пользователя и осуществляющими от его лица коммуникацию в интернете» [5, с. 17–18]. Следует подчеркнуть, что «число таких виртуальных «фейковых» аккаунтов уже сейчас сопоставимо с числом реально существующих интернет-пользователей, т.е. доля политботов в пользовательской структуре интернет-пространства крайне велика. По состоянию на конец 2013 г., 61,5 % всего трафика в сети генерировалось такими искусственно созданными личностями» [5, с. 19].

Таким образом, для предотвращения политических кризисов и внутренних конфликтов государству следует проводить активную символическую политику по защите и развитию конструктивного интегрирующего политического мифа, которая в сфере массового сознания и исторической памяти находит своё отражение в системной идеологической работе, направленной на освоение индивидуальным и групповым сознанием символических форм политического бытия.

Литература

1. Дугин, А. Поп-культура и знаки времени / А. Г. Дугин. – СПб.: Амфора, 2005. – 495 с.
2. Васильев, С. Механизмы и уровни внедрения мифа в массовое сознание: масс-медиа как инструмент социального мифотворчества / С. С. Васильев // Ист. и соц.-образоват. мысль. – 2009. – № 2. – С. 37–46.
3. Емелин, В. Идентичность в информационном обществе / В. А. Емелин. – М.: Издательство «канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. – 360 с.
4. Тимофеев, И. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции : монография / И. Н. Тимофеев. – Моск. гос. Институт междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. полит. теории. – М. : МГИМОУниверситет, 2008. – 176 с.
5. Володенков, С. В. Интернет-технологии как современный инструмент виртуализации массовой политической реальности / С. В. Володенков // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки (ранее: Теория научного коммунизма; Социально-политические исследования). – 2017. – № 2. – С. 15–23.

Станкевич О. Г.

*кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск*

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

При всем многообразии направлений объективно обусловленного межгосударственного общения ключевым из них была и остается экономическая интеграция – сложный многоплановый процесс формирования единого экономического пространства на основе согласованной политики суверенных государств. Развитие национальных экономик и их сближение в ходе интеграционных процессов предполагает создание соответствующих правовых условий и скоординированную работу профильных национальных органов. Особая роль финансов в выработке государством согласованной экономической политики предопределяет то, что неотъемлемым элементом системы управления интеграционными процессами является эффективный государственный финансовый контроль (как на уровне интеграционного объединения, так и внутри каждой отдельной страны). В этой связи совершенствование данного вида государственной деятельности, его правовых основ – вопрос, которому уделяется серьезное внимание на национальном и международном уровнях.

Актуальными остаются основанные на мировом опыте и закреплённые в 1977 году в Лимской декларации руководящих принципов контроля (далее – Лимская декларация) фундаментальные положения о содержании и организации государственного финансового контроля. Данный документ продолжает оказывать влияние на развитие государственного финансового контроля в различных странах и интеграционных объединениях.

В Беларуси в 2015 году Правительством утверждена Стратегия реформирования системы управления государственными финансами Республики Беларусь, глава 7 которой (посвященная внедрению качественно нового подхода к организации финансового контроля и аудита) содержит ссылку на Лимскую декларацию в части трактовки целей контроля: «Контроль – не самоцель, а неотъемлемая часть системы регулирования, целью которой является выявление отклонений от принятых стандартов и нарушений принципов законности, продуктивности, результативности и экономичности в управлении финансами на раннем этапе с тем, чтобы иметь возможность принять корректирующие меры, привлечь виновных к ответственности, получить компенсацию за причиненный ущерб или осуществить мероприятия по предотвращению или сокращению таких нарушений в будущем» [1].